

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анатолий Терещенко
КОНТРАРАЗВЕДКА.

ОХОТА ЗА КРОТАМИ

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко

Контрразведка. Охота за кротами

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2014

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Терещенко А. С.

Контрразведка. Охота за кротоми / А. С. Терещенко — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2014 — (Мир шпионажа)

В книге ветерана спецслужб А. С. Терещенко идет речь о предателях из числа разведчиков, о мотивах страшной и позорной для разведчика мимикрии, о том, как этих Иванов, забывших о присяге и не помнящих родства, вычисляли военные контрразведчики. В книге показана конкретная работа специалистов контрразведки последних лет существования нашей общей Родины – СССР. Автор размышляет о политике, роли личности в истории, показывает фрагменты событий 1991 и 1993 годов, похоронивших веру в чистоту власти, и дает их оценку.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

Содержание

Слово об авторе	5
Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анатолий Терещенко

Контрразведка. Охота за «кротами»

Слово об авторе

Терещенко Анатолий Степанович после окончания в 1967 году Высшей школы КГБ при СМ СССР служил в органах военной контрразведки. С 1974 по 1992 год работал в центральном аппарате 3-го Главного управления КГБ СССР.

С 1984 по 1992 год руководил подразделением, личный состав которого оперативно обслуживал Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба Вооруженных сил (ВС) СССР.

О доблестной и опасной службе военных разведчиков, своеобразной интеллектуальной элите армии, написаны сотни книг. Они достойны добрых слов. Бойцы незримого фронта вписали своей службой – подвигом золотые страницы в историю Отечества.

Но в семье, как говорится, не без уroda: среди офицеров ГРУ попадались предатели, отдавшие душу дьяволу за тридцать сребренников.

О мотивах этой страшной и позорной для разведчика мимикрии, о том, как этих Иванов, забывших о присяге и не помнящих родства, вычисляли военные контрразведчики, и ведет автор разговор в своей очередной книге «Контрразведка. Охота за «кротами». Она явилась результатом существенных дополнений и переработки книги «Оборотни из военной разведки».

Анатолий Терещенко – один из непосредственных организаторов и участников многих оперативных разработок.

Чтобы избежать яканья, придать повествованию динамику, а сюжету – простор, автор решил вести разговор от имени Николая Семеновича Стороженко.

Успехи чекистов в разоблачении вражеской агентуры в 1970-1990-х годах недавно ушедшего от нас тяжелого века с двумя мировыми войнами, одной гражданской и предательским развалом СССР говорили о высоком мастерстве оперативных работников и четком взаимодействии различных подразделений КГБ СССР. В этой книге автор говорит с теплотой и о своих коллегах – участниках тех памятных событий.

Терещенко А.С. – почетный сотрудник органов госбезопасности, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы. Он член-корреспондент Всемирной академии наук комплексной безопасности РФ, автор пяти поэтических книг: «Полесские волошки», «Огня пугливый луч», «Офицерская честь», «Лирика. Я вслушиваюсь в листьев благовест» и «Мудрилки», а также прозы – «Оборотни из военной разведки», «Смерти в бою», «Наследники Смерша», «Взорванный век» (трилогия), «Под псевдонимом Зорич», «Маршал военной разведки», «Абакумов. Жизнь, Смерти и смерть», «Чистилище Смерша. Сталинские «волкодавы», «Император ГРУ» в соавторстве с А.А. Вдовиным и др.

Произведения Терещенко А.С. публиковались в антологиях и альманахах – «Поэзия-2000», «Московские зори», «Москва... как много в этом звуке», «Я помню чудное мгновение...», «Лубянка», «Радонеж» и др. Его стихи печатались в центральных газетах и журналах.

Автор опубликовал в газетах и журналах СССР, России и Украины более ста публицистических статей.

Член Союза писателей России
Дмитрий Алентьев

Предисловие

Есть преступления, которые не искупаются, – это измена Родине.

П. Буаст

Родину, как и мать, не выбирают. Она дается с рождения. Большая Родина, что бы кто ни говорил, начинается с Малой, и душа их пишется с большой буквы. С той Родины, где родился, где прошло твоё детство, где живут или жили родители и дальние предки, где впервые почувствовал себя сильным, способным защитить родное и близкое – родню, друга, отчий дом, родную землю.

Нам дороги родители, милые дети и внуки, близкие родственники и друзья. Но все представления о любви к ним соединены в одном слове – Отчизна!

«Какой честный человек, – говорил Цицерон, – станет колебаться умереть за нее, если он может принести этим пользу». К сожалению, новые времена внесли немало корректив в этот афоризм.

Не приемлю политиков-временщиков, заботящихся только о своем благополучии, путающих власть с бизнесом, казну с собственным карманом. А ведь сила патриотизма напрямую зависит от веры людей в добропорядочность и честность, смелость и спокойствие своих ценителей, слова которых должны органически вплестаться в дела, направленные на процветание державы.

Для военных людей, соединяющих слово и дело в единый узел, главной является защита государства от внешних посягательств. Для военных же контрразведчиков – это прежде всего обеспечение безопасности частей и подразделений, их мозговых центров – штабов всех степеней – и борьба с вражескими акциями иностранных разведок по внедрению своей агентуры в войска.

Автору этих строк в течение более четверти века довелось заниматься оперативной деятельностью в системе военной контрразведки. Большая часть службы была отдана контрразведывательному обеспечению ГРУ Генштаба ВС СССР – одному из основных объектов первоочередных устремлений ЦРУ США. С 1970-х по 1990-е годы военным чекистам удалось выявить и обезвредить ряд агентов вражеских спецслужб из числа советских военнослужащих. Все без исключения это были люди, шедшие на предательство из корыстных соображений.

События, излагаемые в книге, основаны на документальных материалах. Однако по оперативным и этическим соображениям фамилии некоторых героев и антигероев, а также названия мест событий изменены. Они обозначены звездочками.

Цель написанного – не только популяризация высокого профессионального уровня коллег, оболганных сегодня «четвертой властью». Главное – это предупреждение о том, что, пока существуют государства, независимо от «теплоты» отношений их руководителей между собой, будут активно функционировать разведки, использующие на полях невидимых сражений самые передовые технологии и достижения человеческого разума. Автор этих строк сделал все что мог, чтобы воскресить в памяти поединки военной контрразведки со спецслужбами США в удаляющиеся 1980-е годы. Кто может, пусть сделает лучше.

Тешить себя иллюзиями о паритетном сокращении усилий «большие знают о партнере» – величайшее заблуждение. Помешать же иностранным разведкам в поисках государственных секретов – важнейшая задача контрразведывательных органов любого государства.

В книге показана конкретная работа военных контрразведчиков последних лет существования нашей общины Родины – СССР. Автор размышляет о политике, роли личности в

истории, показывает фрагменты событий 1991 и 1993 годов, похоронивших веру в чистоту власти.

К сожалению, за годы «реформаторства» много шансов наладить нормальную жизнь было упущено. Своего пути в лечении социальных болячек мы не искали, а всё надеялись на забугорного «терапевта». Но такие «эскулапы» помогали только в разоружении армии и откачке природных ресурсов. К счастью, надо было некоторым политикам пройти десяток лет, чтобы согласиться, что заокеанские «доктора» носят с собой не только лекарства, но и яды.

Добить былое величие сверхдержавы, с которой считался весь мир, – вот главная задача радетелей российского благополучия в области «свобод и демократии». Эти кукловоды через своих послушных марионеток уже натворили много такого, что народам России придется разгребать десятилетиями для восстановления прежнего уровня человеческого бытия.

Трижды прав великий философ современности Александр Зиновьев, сказавший, что «перестройщики» и «реформаторы» причинили зла простым людям во сто крат больше, чем сталинисты.

История России – это история почти что постоянно осажденной крепости. Войны изматывали и закаляли ее одновременно. Подумайте только – с 1365 по 1893 год, т. е. за пятьсот с лишним лет, Россия, по подсчетам историков, 305 лет провела в войнах. Победить врагов помогали дух, вера и государственная организованность. Сегодня Россия только соби-
рается с мыслями и готовится к делам, которых невпроворот от недавнего «демократического» безумия.

Часто люди задают вопрос: чем же отличается шпион от разведчика? На этот вопрос когда-то точно ответил американский исследователь «полей сражений на невидимых фронтах» Курт Зингер. В частности, он сказал:

«Все вражеские агенты – это шпионы, все наши – разведчики». Так же часто рассуждаем и мы, только с обратным знаком.

Не столько от власти, сколько от самого народа зависит качество нашей жизни сегодня и в будущем. Именно народ должен нанимать власть и не просить, а жестко требовать от нее положительной отдачи. Работать на это должны мы все, чтобы могли честно сказать словами А. Твардовского:

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать, не трусить,
Верным быть народу.
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если —
То и жизнь отдать.

Только так мы можем выстоять в годину тяжелейших испытаний, выпавших на плечи униженной Отчизны, разрубленной недалекими политиками-нехристями на кровоточащие куски и ввергнутой в экономический хаос.

Выстоять во имя будущего великой Родины – добрая и значимая цель!

Глава первая Учебные будни

*Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им
не учиться.
Демокрит*

Служба в армии во все времена была почетна и престижна. Недаром люди еще недавно смотрели с недоверием на тех, кого не брали в армию. В период же ельцинского безвременья, к сожалению, оценки ратного труда поменялись до наоборот. Армия по вине политиканов находилась на заклании. Офицер по зарплате сравнился с дворником!!! Слава Богу, сегодня вектор заботы о защитниках Родины развернут в нужном направлении.

А не позорно, что еще не так давно народ едва отстоял у правящей «Единой России» свое знамя Победы, как выяснилось, что чинуши из «слуг народа» замыслили заменить более 2 тысяч боевых знамен некими пестрыми флажками с орлами, крестами, «рыночным гламуром». Видите ли, им не понравились символы победного стяга – звезда с серпом и молотом. Но победители присягали на верность Родине и народу в минувшую войну именно этому Знамени. Они еще живы, а потому получается, что власть плюнула в их сторону. Правда, скоро чиновники-либералы поняли, что с символами, окропленными кровью павших защитников России, шутить опасно. Что ж для слуг миллиардеров ветераны – это уже отработанный материал...

Жарким июньским днем 1963 года, отслужив три года срочной службы и оставив ставший родным полк во Львове, Николай Стороженко прибыл в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Высшую школу КГБ при СМ СССР.

До службы бредил небом – хотелось стать летчиком. Непременно истребителем. Зачитывался книгами о героях-летчиках, строил и поднимал в небо модели самолетов. Все учебные тетради и учебники у него были изрисованы винтокрылыми машинами. Пришло время – подал документы в училище ВВС, но заболел. Пока находился в больнице, завершили вступительные экзамены. Пришлось поступить в педучилище физического воспитания, благо с детства серьезно увлекался спортивной гимнастикой – готовил себя к профессии летчика: свободно крутил «солнышко» на перекладине, почти держал «крест» на кольцах, освоил связку «рондат – фляк – сальто» в акробатике.

А ведь в провинциальном городке Сарны, затерявшемся в болотистом Полесье, где Николай рос, не было ни тренеров, ни хороших снарядов, ни спортивных залов. Ребята – любители этого вида спорта – сами добывали программы, переписывали их в блокноты и самостоятельно разучивали гимнастические элементы и связки.

С этим багажом на уровне второго спортивного разряда он поступил в училище. Кумирами той поры для него были Виктор Чукарин, Валентин Муратов, Альберт Азарян, Борис Шахлин и другие прославленные мастера гимнастического многоборья. Фотографии этих спортсменов красовались на стенах комнаты в общежитии, на крышках картонных чемоданчиков с металлическими уголками, заполняли листы фотоальбомов. Гимнастике он даже посвятил несколько юношеских стихотворений.

В армии продолжал заниматься этим видом спорта в СКА. Здесь же познакомился со старшим лейтенантом Ищенко, офицером – перворазрядником по акробатике. Он оказался особистом – сотрудником Особого отдела КГБ по Прикарпатскому военному округу (ПрикВО), к тому же земляком. Молодежь завидовала его мастерству в прыжках. На одной из тренировок офицер спросил неожиданно: «Коля, когда у тебя заканчивается служба? Какие планы?»

– В этом году. Собираюсь поступать на журфак Львовского университета, – искренне ответил Николай.

– А что дальше? В лучшем случае ты станешь собкором районной газетенки или преподавателем в школе. Тебе нужно повидать мир, небось, кроме Украины, нигде не был. А ведь есть возможность посмотреть Россию, а там, если повезет, то и за границу, – загадочно произнес офицер.

– Юрий Иванович, о чем речь?

– А не поступить ли тебе в Высшую школу КГБ? По моим наблюдениям, из тебя получится оперативник. Работа интересная, ответственность – государственная. Попробуй... Тут и материальная сторона: вечный студент для родителей, согласишься, тяжелая ноша.

– Вообще-то верно. Если бы не родители, то на четырнадцать рублей стипендии я бы не прожил. Да еще при таких физических нагрузках. Тренировки пожирали уйму калорий.

– Что ты мне это говоришь?! Я ведь такую же школу прошел – испытал на своем горбу. Ну вот, а ты хочешь вновь сесть на шею старикам. Подумай, но думай недолго. Жду ответа на следующей тренировке. Я тебе добра желаю.

* * *

Когда Николай принял окончательное решение, то написал родителям. Отец неожиданно приехал в часть, а когда узнал, где сын собирается учиться, то развел руками:

– Жаль, хотел тебя видеть машинистом локомотива. но неволить не буду. Нужно дело – защитник Родины. Твой дед был героем-казак. Брат деда – офицером в армии Самсонова. Оба смело дрались в Первую мировую, защищая Отчизну, которой присягали на верность. Имей в виду – у чекистов меч обоюдоострый, он сшибал головы врагам настоящим и мнимым. Сколько попадало под его острие невинных – только бог знает. Я пережил то страшное время. Будь справедлив и щедр на доброту. Не забывай в человеке людское, когда придется решать судьбы людей. Верь в людей, но вера без дел мертва.

Николай был поражен словами никогда не говорившего на серьезные темы отца, окончившего всего четыре класса сельской школы. Жизненный опыт – пережитые коллективизация и репрессии тридцатых годов, вся война от звонка до звонка в паровозной будке, не защищавшей от осколков и пуль, участие в Сталинградской эпопее, потери товарищей – воспитал в нем порядочность и смелость, терпимость и деловитость, умение сказать правду в глаза...

И вот она, желанная Москва, которой «в детстве кто не бредил». Сразу же с Киевского вокзала, закинув вещмешок на плечи, Николай отправился на Красную площадь увидеть Кремль – живую историю и место, с которого начиналась и начинается столица страны.

Память в воспоминаниях почему-то переместила его в недавнее, но уже прошлое, когда он, сильный и стройный, по приглашению судьи шел в белом шерстяном трико гордой походкой к спортивному снаряду. Вспомнились тренировки в армейском спортклубе (СКА) ПрикВО, где практически случайно решилась его судьба.

Сданы вступительные экзамены. На темно-зеленой гимнастерке появились курсантские погоны. Учеба шла по накатанной колее – лекции, семинары, практические занятия. Гимнастику не бросил. Сначала возглавил команду гимнастов на факультете, а затем и всего вуза. Это были упражнения для тела, но нужно было что-то и для души. Вскоре организовалась группа энтузиастов: вместе ходили по музеям, на выставки, в театры и кино. Особенно любили вечера поэзии.

На первом же курсе Николай записался в центральную библиотеку страны – Ленинку, – которую посещал каждую субботу. Копался в редких книгах, открывал забытые имена поэтов, искал ответы на философские вопросы. Это был ренессанс души.

Когда он прочитал только что вышедшую поэму Егора Исаева «Суд памяти», то, не имея возможности приобрести книгу, сидел целую ночь, переписывая произведение в тетрадь, – так

тронуты и понравились звонкие звучанием и глубокие смыслом строки мастера стихотворного слова.

Учеба в Москве обогащает любого, пытливые умы с периферии – вдвойне. Шестидесятые годы были годами расцвета поэзии, диспутов-дуэлей между «физиками и лириками». Часто проходили поэтические вечера, собиравшие в основном студенческие массы. Молодежь увлекалась творчеством Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Ю. Друниной, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и других.

В памяти Николая до сих пор четко запечатлелся большой вечер во дворце культуры «Крылья Советов», где в течение двух часов стихи читал фронтовик Эдуард Асадов. Он был любимцем студенчества. Подобные вечера являли собой настоящие праздники души с радостью живого общения с кумирами. Любители стихов тех лет охотились за сборниками «День Поэзии». Читались эти альманахи с превеликим удовольствием...

И в то же время шла серьезная подготовка к будущей работе. Знакомясь со специальной литературой об операциях, проведенных чекистами в разное время, особенно в военное время, приходилось восторгаться умом и хладнокровием оперативников, вязавших тончайшие сети разработок, в которые попадали опытные агенты противостоящих спецслужб, создававших осиные гнезда в стране.

По мере знакомства с материалами о действиях ЦРУ и ФБР США приходилось все глубже понимать сущность глобальных планов наших противников и политику двойных стандартов Запада.

Во все времена разведки и контрразведки оберегали государственную власть, стояли на страже незыблемости державных устоев, закреплённых конституциями. Что же касается КГБ, то это была единственная организация, которую боялись наши враги. Кроме того, она сохранила в себе бескорыстное служение тому государственному строю, который ее создал. Она защищала идеи социализма, единство многонационального государства и существующие законы. И в этой организации была особая система подбора кадров – отбирались для службы в органах в трудовых и армейских коллективах лучшие.

В противовес КГБ СССР существовало ЦРУ США.

«Если мы хотим понять природу ЦРУ, – говорил ветеран американского рабочего движения, отнюдь не коммунист, но человек, верящий в демократию без кавычек, бывший постоянный представитель Всемирной федерации профсоюзов при ООН Э. Демайо, – мы должны прежде всего понять социально-экономическую систему, породившую это ведомство. Наше общество покоится на эксплуатации многих теми немногими, кто владеет и управляет средствами производства, создающими богатство нации, и финансовыми институтами – источниками ее жизненной силы.

Эти всемогущие немногие, располагающие громадными экономическими ресурсами, управляют политической жизнью страны. Они представляют теневое правительство страны, принимающее основные решения, которые передаются для реализации официальным исполнительным и законодательным органам через своих пособников, занимающих ключевые посты во всем федеральном аппарате...

Выступающий против ЦРУ бросает вызов самому могущественному ведомству государственной власти».

Еще одно толкование о роли ЦРУ в системе государственной власти Николай нашел в книге «Невидимое правительство», написанной журналистами США Д. Уайзом и Т. Россом. Они отмечали, что сейчас в Соединенных Штатах два правительства. Одно из них видимое, другое – невидимое. Первое – это правительство, о котором американские граждане читают в газетах, а дети узнают из учебников. Второе – сложный скрытый механизм, проводящий политику США в холодной войне.

Отход Н. Хрущева от власти «по состоянию здоровья» породил среди слушателей множество слухов. Особенно поражало стремление новых властителей кремлевского трона затоптать в грязь вчерашнего вождя, которому чиновничья челядь, окружавшая его, еще недавно готова была лизать башмаки, что и он делал в отношении Сталина и его сподвижников, в числе которых был и сам.

– Неужели мы такая дикая нация, что не можем спокойно принимать кабинеты, кресла, папки с делами, столы без показа грязного белья? – разоткровенничался как-то с Николаем его друг Виктор Тимофеев. – Так гадко от этого на душе. Как не вспомнить тут Талейрана! Предательство – это верх злодейства.

– Ты прав, Виктор, – поддержал Стороженко коллегу, – только неблагородный человек способен в глаза хвалить, а за глаза хулить. Но с другой стороны – злословил Хрущев в адрес Сталина, в чьей команде был «верным сталинцем» до последнего. Так что «по делам вашим вам и воздастся». Как говорится, злые люди ходят на мух, которые ползают по человеческому телу и останавливаются только на его язвах. А вообще-то ни один человек, охаивающий покойника, не бывает счастливым. По существу Хрущев – политический труп. Со временем судьба посмеется и над новоиспеченным генсеком. Да, у справедливости в России медленная скорость, а к законности длинная и ухабистая дорога.

Слушателей часто привлекали для несения нарядов на Красной площади в дни государственных праздников. На ленинском пантеоне, в мраморной коробке которого покоилась мумия – тело вождя, топтались и толпились государственные мужи и дамы, бегали с цветами и подарками дети. И никому не приходило в голову, что это шаманство оскорбительно традициям православия. Революционный обычай отменил и христианскую мораль, и традиции славянства, давно порвавшего с язычеством.

С годами при Брежневе постепенно утихала критика в адрес Сталина, но Николай искал и искал – в спецлитературе, в беседах с живыми участниками событий тех лет – ответ на вопрос: Сталин ли только открыл счет репрессиям? Кто и что его спровоцировало на это? Было ли что-то подобное до него?

Открывались пласты трагедий ленинского периода: от бандитского уничтожения царской семьи, подавления Кронштадтского восстания и до расстрелов восставшего тамбовского крестьянства и храброго поэта Н. Гумилева, не уронившего офицерской чести. Все четче просматривались шаги второго после Ленина чиновника в большевистском ареопаге Л. Троцкого по травле С. Есенина, а затем его физического устранения.

Геноцид против российской интеллигенции с отправляемыми «пароходами умников» за границу, террор против многовековой культуры православия и насаждение безверия просматривались во многих документах. Эти материалы проливали свет на острые вопросы, волновавшие пытливые умы. Приходило осознание того, что марксистско-ленинские молитвы придуманы для таких людей, которые не могут мыслить самостоятельно и никогда не ведают возвышенного состояния души.

Чем дальше и глубже шло постижение контрразведывательного ремесла на лекциях и практических занятиях, тем больше оно убеждало Николая в правильности выбранной профессии с юридическим уклоном.

Органы не случайно называются во многих странах органами государственной безопасности, потому что они, так должно быть, защищают интересы страны и народа.

«Закончу учебу, – думалось ему, – уеду в какой-нибудь глухой гарнизон и стану настоящей грозой шпионов».

То были наивные мечты человека с курсантскими погонями. Разве мог он предвидеть, что через какой-то десяток лет придется действительно встретиться лицом к лицу с первым живым «кротом» – агентом иностранной разведки с погонями советского старшего офицера.

Три года учебы пробежали быстро. Остался год до выпуска. Весной на предпоследнем курсе пришла любовь. Первое свидание с Людмилой Николай назначил у памятника Маяковскому. Шли по улице Горького по направлению к Белорусскому вокзалу. Легко и вдохновенно читал своей спутнице стихи Есенина, Бунина, Фета, Языкова – пахучие, звонкие, нежные. Потом Коля осмелел и стал декламировать свое стихотворение, посвященное милой даме. Когда закончил и посмотрел на подругу, то увидел в ее васильковых глазах жемчужины душевной росы – она прослезилась...

В августе они расписались. Потом была свадьба, даже две: одна в Москве, другая на Поле-сье. На московских посиделках собрались человек десять самых близких друзей в малюсенькой комнате громадной коммуналки. Молодоженам вручили скромные подарки. При передаче настенных часов сослуживец Александрин щекотливо заметил:

– Примите, дорогие Николай и Людмила, наш подарок. Пусть эти часы идут и идут. Они остановятся только в двух случаях: кончится завод у них или у кого-то из хозяев. Так пожелаем, чтобы они долго-долго не останавливались!

Кто думал тогда за свадебным столом, что слова окажутся пророческими! Ровно через двадцать лет часы и сердце Людмилы остановились одновременно. Но это было все потом, а пока – последние каникулы и выпускные экзамены...

Глава вторая

Лейтенантские погоны

Мы стали суровой и строже...
П. Комаров (из песни)

Тихо в комнате. Звонко тикают подаренные на свадьбе часы с золочеными стрелками. По телевизору передают в записи фрагменты концерта Муслима Магомаева. Лейтенант Стороженко пришивает на мундир первые офицерские погоны. Завтра получение диплома и вручение «поплавка».

«Кто думал, что из глубинки, – рассуждал Николай, – я приеду в далекую и высокую Москву и закончу чекистскую академию?»

Пела душа, горели радостью глаза. Он стал примерять форму, заглядывая в зеркало, – нравился строгий офицерский покрой...

Спортивный зал Школы на Ленинградском проспекте. В строю – общевоинские, авиаторы, моряки, пограничники, связисты. Командование вручает дипломы о высшем юридическом образовании и дорогие каждому военному белые академические ромбики с красной звездочкой и золотистым гербом великой страны.

По традиции выпуск обмыли в ресторане. Вернулся Коля домой рано – ждали жена и крохотная дочурка. Жена взяла в руки диплом, внимательно прочла его и тихо промолвила:

– Поздравляю. диплом жизненный, даже гражданская специальность есть – юрист-правовед! Закончишь службу, пойдешь на наше закрытое предприятие юрисконсультком.

– О чем ты, Люсьен, – так он ее ласково величал, – служба ведь только начинается. Может, и диплом не пригодится – времени ох как много.

– Пролетит оно быстро. То, что впереди, кажется бесконечно далеким, а оглянешься – пролетело, как одно мгновение. Мама моя так часто говорит. Старики это хорошо знают. А что касается значка, то он по-мужски скромный и в то же время по-военному красивый...

* * *

Вскоре лейтенант Стороженко получил предписание убыть в распоряжение начальника военной контрразведки ПрикВО. Людмила с дочерью еще некоторое время должна была оставаться в Москве, предварительно дав согласие, что поедет туда, куда пошлют мужа. За столицу она не держалась.

Перрон Киевского вокзала. Поезд Москва – Львов тронулся. Николай прижал нос к холодному стеклу окна вагона – надо хоть как-то рассмешить прослезившуюся супругу с дочуркой на руках. Вокзал уплывал медленно, смещая влево провожающих. И вот уже исчезла из поля зрения Люда. Поезд стремительно набирал скорость.

Встретили молодого специалиста на месте тепло. Однако начальник отдела генерал-майор Николай Кириллович Мозгов, узнав, что прибывший офицер пишет стихи, совсем не зло, а с улыбкой заметил:

– Нашей службе стихоплеты не нужны. Не та работа. Я ищу для первого сектора работу, – последнее слово он умышленно разбил по слогам, – думающих только об оперативной работе – трудной и неблагодарной. Так что пока забудь о стихах. Не забудешь – тебя забудет служба. Мы тебя взяли в очень ответственный участок – штабной. Не каждый и с опытом попадает в такое подразделение. Мы же верим, что справишься с работой.

Тут же расспросил о семье и по-отечески распорядился устроить лейтенанта как положено. Такой прием поначалу обескуражил Николая. Но начальник отдела кадров полковник Михаил Петрович Забродин, как бы оправдываясь за недипломатичность начальника, признался, что тоже балуется стихами, а в отношении генерала заметил: «Не переживай, это очень справедливый человек, чекист-трудоголик».

Николаю он порекомендовал не афишировать хобби и начал подробно рассказывать об особенностях работы и поведения офицера-контрразведчика в частях.

Пройдет много-много времени – лейтенант станет полковником, двадцать лет проработает в центральном аппарате военной контрразведки, встретится с живыми шпионами, уволится со службы, станет членом Союза писателей СССР, напишет много статей и с десяток книг, а Михаил Петрович отойдет в мир иной – и вдруг в совете ветеранов Департамента ВКР в Москве ему передадут одно из стихотворений, написанных Забродиним. Называлось оно «Память о мужестве»:

*Кое-кто призывает сейчас
Позабыть боевые награды.
Поучает безнравственно нас,
Что в войне было много бравды?!
В рефератах ученых иных
Полководцев в шеренгу не строят.
Очень рано забыли о них,
Потеряли в период застоя!
Кое-кто до абсурда дошел,
Заявляя: войну проиграли...
Драгоценный металл стал тяжел,
Не нужны ордена и медали.
Как опасны кощунство и бред,
Убить веру в величье событий,
Эти домыслы – подлинный вред,
Всплеск совсем непонятных амбиций.
Видно, тем, кто такое твердит,
Без труда доставались награды.
Иль не помнят заветы солдат,
Много раз их уже повторяли:
«В бой ходили не ради наград,
За Отечество головы клали...»
И пускай и сейчас, и всегда
На груди ветерана-солдата
Горят орден, медаль и Звезда,
Храня память и мужество свято!*

Михаил Петрович Забродин. 1992 г.

Не будем вдаваться в литературные достоинства и слабости стихотворения, вникнем в его духовный смысл. Он высок!

Слушал лейтенант полковника Забродина внимательно. Николаю сразу же понравился этот мягкий и рассудительный человек, подавший руку на крутом пути к неизвестной практике.

– У вас будет хороший наставник – майор Деев Дмитрий Николаевич, – сказал он, прощаясь с Николаем.

Молодой лейтенант получил в оперативное обслуживание гарнизон с радиотехническим полком ПВО сухопутных войск, отдельную роту сопровождения воинских грузов, штабную роту и гараж командующего войсками округа, а также окружные медицинские склады в городе Буске.

Рабочее место действительно определили в кабинете с майором Деевым. Он являлся фронтовиком, участвовал в разоблачении агентуры абвера, был награжден орденами и медалями за ликвидацию шпионов в действующих частях на фронте и в тылу. Майор был человеком преданным своему делу, откровенным и прямым. Начальство его побаивалось за крутой нрав, готовность пойти в атаку на любого обидчика, с какими бы погонами он ни ходил. Говорили, что на партийных собраниях от него доставалось даже начальникам с лампасами.

И все же Деев не спешил откровенничать с молодым оперативным работником. Недели три он приглядывался к нему, а потом разговорился, да так, что его монолог показался слушающему спрессованной лекцией. Затронув проблемы контрразведки, он настолько приземлил лейтенанта, что тому на некоторое время показалась бессмысленной его текущая работа в гарнизоне по поимке шпиона.

– Пойми вот что: в наше время американцам не хватит ни денег, ни сил, чтобы навербовать много агентуры в частях. Во время войны, правда, немецкая военная разведка абвер пыталась пролезть в некоторые штабы наших частей. Но тогда до Генштаба немцам было трудно добраться. Понимаешь, существует так называемая мишенная система. Это принцип работы разведки – бить прицельно в «десятку», получая стратегическую информацию. А твой полк – где-то на краю мишени. Твои солдаты и офицеры их не интересуют, хотя те могут и клюнуть, но встанет вопрос связи. Это самое слабое звено в цепи «разведчик – агент» и наоборот. Генштаб в масштабе всей армии – это и есть «десятка».

В стране несколько таких объектов: ЦК КПСС, депутатский корпус, сотрудники МИДа, Совмина, Госплана, офицеры разведки и прочее. Мы же с тобой занимаемся вопросами помощи командованию в защите секретов, пресечения возможностей хищения оружия и боеприпасов. Армия – гарант стабильности государства.

Почему с нами считаются другие страны? Потому, что мы сильны. Потеряем силы – уроним уважение в мире. Я уже заканчиваю службу, но хочу, чтобы ты понял: военная контрразведка была, есть и будет, пока существует государство и его армия...

Зазвонил телефон. Деев стремительно протянул руку, и в его огромной ладони застыла черная эбонитовая «гантель» старомодного телефонного аппарата, стоявшего здесь, наверное, с первых послевоенных лет.

– Здравствуйте. Буду рад встретиться. Согласен. Да, в 18.30 у памятника Мицкевичу. Прекрасно. До встречи.

Николаю было понятно, что выходил на срочную связь кто-то из негласных помощников, но Дмитрий Николаевич, будто это было обычное дело, продолжил:

– Благополучие армии у нас зависит не от общества, а исключительно от вождей. Те, кто поймет важность нашей службы, будут защищены от неприятных неожиданностей. Вот послушай. – С этими словами он полез в карман, достал записную книжечку в потертой кожаной обложке и стал медленно читать:

«Верьте мне: анализируя исходы военных баталий, невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами».

Эти слова произнес не философ, раздумывающий в тиши кабинета о роли личности в истории, не правительственный чиновник, считающий армию нахлебницей народа, не писатель – рафинированный миротворец-пацифист, не знающий, для чего в государстве живет особой жизнью армия, а великий полководец. Кто бы, ты думал?

– Наполеон, – последовал ответ.

– Верно. Француз прекрасно понимал, что без пронырливости и ловкости своего агента Шульмейстера он не одержал бы блестящих побед в 1805 году. Ульм и Аустерлиц были в такой же степени результатами стратегического гения, как и негласной деятельности имперского шпиона Карла Шульмейстера. Генерал Савари, у кого был на связи Карл, представил своего верного агента Наполеону словами:

«Вот, ваше величество, человек, состоящий сплошь из одних мозгов, без сердца». Наполеон благосклонно усмехнулся в ответ, но никакой новой награды Шульмейстер не получил, а он так мечтал стать кавалером ордена Почетного легиона!

У Наполеона поначалу было своеобразное отношение к разведчикам и шпионам. Он говорил: «Шпион – это естественный предатель» – и не ставил их заслуги на одну доску с заслугами офицеров и генералов армии.

Так поступал и Сталин – ни одному разведчику и контрразведчику при жизни не дал Героя Советского Союза.

Кстати, ты знаешь, куда он был внедрен? – задал вопрос Деев и тут же сам на него ответил: – Советником руководства Генштаба и шефа австрийской разведки генерала Мака, который ждал от Шульмейстера «объективных данных по французским войскам». Карл добывал такие материалы. Более того – случай уникальный в истории, – специально для Мака по распоряжению Наполеона в одном экземпляре издавалась французская газета, в каждом номере которой публиковались статьи и заметки, подтверждающие информацию Шульмейстера о бедственном положении французской армии. Карл обставлял добычу этой газеты «опасностью быть разоблаченным и большими трудностями». Доверчивый Мак читал газетные полосы и охотно верил тому, во что хотел верить!

Стотысячная армия австрийцев была рассеяна французами в три недели до прихода русских отрядов. Вот так, дорогой!

Сегодня противник интересуется секретами в верхах. Разоблачение «крота» – бывшего полковника ГРУ Пеньковского – тому пример. Ты думаешь, сейчас нет Пеньковских в нашем Генштабе?.. (Как в воду смотрел – уже тогда «рылся» в секретах ГРУ Генштаба майор Поляков, о котором пойдет речь ниже.)

После этих слов Дмитрий Николаевич как-то горько поморщился, словно его одолел кратковременный озноб, и вновь продолжил:

– А мы ищем агентов там, где их в мирное время никогда не будет: в отделении, взводе, роте... А надо искать прежде всего в Москве. Туда в первую очередь направлены следы разведок Запада. Там больше всего кандидатов для вербовки. Они ведут борьбу тайно, такой же тайный заслон противнику и мы должны поставить. А на деле что получается? Хрущев сначала ошельмовал институт негласных помощников, а отсюда до сих пор нет глубоко продуманной правовой основы подобных отношений. Мы чего-то стесняемся, стыдимся того, что открыто делают наши друзья и враги. Шпионаж на пользу своей страны считается у них высшей формой проявления патриотизма.

Говорят, было перепроизводство «сексотов и стукачей» в период сталинского правления и они, дескать, являлись основным генератором репрессий. Нет, их не было вообще как таковых, а использовались шкурники, завистники, обиженные, а не патриоты державы. Шла борьба за власть двух политических линий Троцкого и Сталина. А чубы трещали у простого народа. То же самое происходит и сегодня. Есть среди нашей агентуры честные люди, их большинство, но, с другой стороны, если приглядишься – найдешь людей, ищущих выгоды. Ничего, опыт – дело наживное. Только недостаток его вызывает уверенность в себе. Опыт – самый лучший учитель, только плата за обучение слишком велика...

Помолчав немного и бросив рассеянный взгляд на кусты, осыпанные пушистым снегом, Дмитрий Николаевич достал из трофейного портсигара сигарету «Памир» и стал ее разминать, видно, по старой привычке, как папиросу. Прикурил от бензиновой зажигалки, сделан-

ной неизвестным умельцем из винтовочной гильзы, затянулся глубоко, с явным удовольствием и, выпустив сизое колечко дыма, опять потянулся к своей записной книжке. Взял ее, полистал, почмокал губами и промолвил:

– Послушай еще одну быль. Фуше, министр полиции при Бонапарте, в своих мемуарах так писал о важности шпионажа в подготовке императора к сражениям: «Лошади, которые везли золото французского банка к будущим полям сражений в Австрии для оплаты секретных агентов, имели большее значение, чем стремительная и отважная конница Мюрата». Вот так, дорогой мой, Наполеон думал о победах своей армии. Он понимал толк в силе невидимого оружия, хотя разведчиков несильно жаловал.

* * *

Долго еще сидели в кабинете два оперативника – молодой лейтенант и пожилой майор. Последнему хотелось выговориться, а первый с удовольствием слушал его рассуждения и особенно короткие истории фронтового периода о захвате «языков», оперативных «играх в эфире», фильтрационной работе, борьбе с лесными бандами бандеровцев в послевоенный период.

Николаю хотелось слушать и слушать ветерана, потому что это был не отредактированный спич на партсобрании, а какая-то живая правда, правда о невыдуманной жизни. И каждый раз, когда он возвращался из гарнизона, молил Бога, чтобы застать Деева в кабинете.

Оформляя информацию от негласного источника, Деев каждый раз комментировал:

– Сынок, не разменивайся на мелочи. Если взял документ, то он должен продвинуть решение какого-то конкретного оперативного вопроса, а бумажка ради бумажки – это глупость, которая может кончиться даже преступлением. Есть у нас еще специалисты по отбору «мелочевки». Groш цена таким чекистам. Ты думай, как не навредить конкретному человеку. И тому, кто сигнализирует, и тому, о ком этот сигнал. При таком подходе можно пропустить главное.

Руководство 1-го сектора Особого отдела КГБ округа требовало конкретных результатов. В отчетных «простынях» у многих офицеров зияли пустотами графы о проведении «профилактик». Оперативники понимали всю абсурдность втягивания их в круг такого рода «воспитательных бесед». Удовлетворение приходило на учениях, где проигрывались боевые условия работы. Но полигонные занятия скоро заканчивались.

Приходя домой, Николай делился с женой неудовлетворенностью от служебной деятельности. Домой – понятие условное, своей квартиры не было, жена не работала, так как нянчилась с маленькой дочуркой. Цены в городе кусались. Спасали харчи с родного Полесья от родителей.

Прошло полтора года. Чем дальше приходилось вникать в службу, тем все чаще появлялось желание покинуть оперативную работу, за которую Николая даже хвалили на совещаниях. Однако обязанности перед семьей, гордость за принадлежность к офицерскому корпусу и стремление дойти до цели, охотничий инстинкт заарканить все же шпиона сдерживали запальчивость молодого оперативного работника.

Беда была одна – быт заедал. Квартиру надо было освобождать – приезжал хозяин. Но к счастью, вскоре нашелся выход – открылась вакансия с поездкой за границу. Стороженко направили в Южную группу войск (ЮГВ).

Перед отправкой в Венгрию Николая пригласил к себе в кабинет начальник военной контрразведки округа генерал-майор Мозгов. Николай Кириллович почти в извинительном тоне заметил, что не смог добыть жилье, а потому решил направить его как хорошо зарекомендовавшего себя офицера за границу. Расчет один – набравшись опыта, вернуться снова во Львов. А в конце добавил:

– Спасибо за службу. Я в тебе не ошибся. Значит, и поэты могут хорошо работать!

30 декабря 1969 года Николай с семьей поездом Москва – Будапешт выехал к новому месту службы. На львовском перроне лейтенанту вспомнились слова отца, сказанные им накануне отъезда за границу: «Сынок, береги свой авторитет, офицерскую честь – ты теперь защитник Родины за ее пределами».

С одной стороны, эти слова казались на первый взгляд каким-то штампом. Но Николай знал, что они могли родиться только в искренней душе работника. Работяги – машиниста паровоза с посиневшей от порезов осколками антрацита кожей на руках. Он был верен Отчизне не столько словом, сколько делом.

Сидя в купе, чета Стороженко обсуждала туманные перспективы неизвестной службы.

– Коля, прости за глупый вопрос. Тебя оставят в Будапеште или направят на периферию? – поинтересовалась супруга.

– Какой Будапешт? Далеко не все лейтенанты начинают службу с европейских столиц. Таких офицеров, как я, без роду и племени, посылают в глухие гарнизоны. Так что готовься, дорогая, жить почти что в зоне – за колючей проволокой или бетонным забором.

Поезд остановился на станции Чоп. Тут меняли вагонные тележки, переводя их под узкую западную колею. В Чопе, последнем населенном пункте СССР на этой границе, можно было потратить оставшиеся рубли. Николай обежал близлежащие магазины и на резервные 11 0 рублей набил доверху полиэтиленовый пакет...

Свисток – и поезд тронулся, медленно приближаясь к мосту через реку Тиса. В коридоре стали скапливаться пассажиры.

– Чего это люди всполошились? – испуганно заметила Людмила.

– Сейчас поймешь. Возьми копейки, бросим на счастье в реку. – Николай приспустил раму, и в образовавшуюся щель полетели три семейные монетки.

– Ну, Коля, теперь нам повезет.

– Должно, Люсьен...

А поезд продолжал лететь навстречу ветру, поднимая за собой пелену сухой, снежной пыли, нередко горлопаня пронзительным свистком перед станциями и переездами.

Проезжая крупные железнодорожные узлы, Николай, как потомственный железнодорожник, обратил внимание на обилие паровозов. В отличие от советских пассажирских, зеленых и синих, здесь все были черные. Он узнавал знакомые марки – узкие «германки» и широкие «венгерки», проходившие на наших железных дорогах в послевоенное время соответственно сериями 52-ТЭ и ТМ.

На первых отец бил рекорды по вождению тяжеловесных товарных составов, на вторых – водил пассажирские поезда.

Ход раздумий прервало экстренное торможение. Послышался грохот, а потом поднялся крик и началась беготня по вагону. Как выяснилось, на неохраняемом переезде застрял советский танк, возвращающийся с учений, – заглох двигатель. Минут через десять его тросом стянула другая машина.

Это была первая встреча военного контрразведчика с проблемами пребывания «ограниченного контингента советских войск» на территории Венгрии.

Поезд медленно подплывал к восточному вокзалу венгерской столицы. На перроне, к огромному ликованию жены, семейство Стороженко встретил автобусом знакомый по львовскому периоду службы комендант отдела майор Усанов.

Глава третья На рубеже двух систем

*В крепкой дружбе наша сила,
Дружбе слава и хвала.*

Р. Бернс

– Здравствуй, Венгрия! – прошептал Николай.

Гордость наполнила молодого оперативника от слов, сказанных полковником Забродным перед поездкой в Южную группу войск:

«Николай Семенович, ты едешь на защиту наших рубежей – в передовой эшелон обороны стран Варшавского договора. Твоя часть в случае чего первая примет на себя возможный удар противника и будет сковывать его до подхода основных сил. Ты получил во Львове небольшой опыт – используй и развивай его за границей. Верю, что удача и успех подружатся с тобой. Пусть чекистское счастье повернется к тебе лицом. Это тоже важно в нашем деле!»

А еще Николаю вспомнились слова генерала Мозгова, как всегда, коротко оценившего работу перед отъездом: «Спасибо за службу. Я в тебе не ошибся. Значит, и поэты могут хорошо работать!»

31 декабря 1969 года Стороженко прибыл в отдел военной контрразведки – Особый отдел КГБ по ЮГВ – и сразу же получил предписание принять артиллерийский полк, расположенный в поселке Фертед недалеко от австрийской границы.

Полк был укомплектован пушками и тяжелыми гаубицами, поэтому пришлось осваивать новую материальную часть. Командир полка полковник Николай Соленый принял нового особиста несколько настороженно. От предшественника Николаю стало известно, что командир любит чарку, поэтому комполка посчитал, что вслед за «комиссарским» глазом прибыл дополнительный контроль – чекистский.

Время показало, что командир – порядочный человек, профессионал высокого класса. В нем была, что называется, «военная косточка» – любил и жалел солдата. Офицеры говорили, что он снарядами может рисовать: цель накрывал с первого же выстрела без всяких «вилков». Прошел всю войну в расчете знаменитых «сорокапятков», а закончил военное лихолетье командиром отдельного дивизиона 152-миллиметровых гаубиц. Победу встретил в майорских погонах с пятью орденами и десятком медалей на груди. Имел несколько ранений. Служба его помогла по Союзу.

– Что я тебе скажу, – как-то в одной из первых бесед заметил командир, – занимайся своим делом. Иностранцев, желающих знать, что делается у нас за забором, здесь полно. Из достопримечательностей – музей графа Эстерхази, у которого служил когда-то композитор Гайдн. Есть в селе две корчмы, которые посещают почти все офицеры гарнизона с семьями. Я иногда, когда на душе тяжело, тоже захожу. Сразу тебе признаюсь: жена у меня тяжело больна.

Воцарилась гнетущая тишина с молчанием двух офицеров – полковника и лейтенанта.

«Зачем откровенничает командир? Не собирается ли в чем-то упредить меня?» – подумал Николай.

– Ты у замполита был? – спросил неожиданно полковник.

– Нет, товарищ полковник.

– Ну, ты зайди, зайди к нему...

Стороженко представился замполиту подполковнику Гусаченко. Встретил он с порога словами:

– Товарищ лейтенант, вы солдат партии, боец ее вооруженного отряда, это обязывает нас работать в связке. Прошу меня первого информировать обо всех событиях негативного плана в гарнизоне.

– Товарищ подполковник, – прикинулся непонимающим оперработник, – когда я ехал сюда, меня инструктировали, что все информационные материалы мне необходимо докладывать своему непосредственному начальнику в соединение – подполковнику Левшину.

– Не горячитесь... К словам замполита и начальника политотдела прислушиваются все офицеры, в том числе и ваш начальник, входящий в состав парткомиссии дивизии. Я вижу, вы не понимаете роль политработников в армии. Не забывайте, что Леонид Ильич Брежнев – выходец из когорты партийных бойцов. Комиссаров он поддерживает.

– Такого правового института уже давно в Советской армии нет.

– Замполиты – это их последователи!

– Комиссары приставлялись к спецам-командирам, офицерам царской армии. Сейчас же командный состав все коммунисты, – усердствовал в отстаивании своей точки зрения Стороженко.

– О, у вас, как я вижу, замашки энкавэдиста... Вы полагаете, что чекисты вновь встанут над партией Ленина?

– А они никогда не стояли. Много честных сотрудников госбезопасности тоже заплатили жизнями за доверчивость или неприятие «законов джунглей», которые навязывались сверху. Партийные органы руководили ЧК...

Неприятный осадок оставила первая встреча с замполитом, пытавшимся, по всей видимости, расправиться руками военного контрразведчика с командиром полка. Первое время «комиссар» приглашал Николая на чашечку кофе – помириться и заодно выяснить обстановку в полку. Он любил ковыряться в «грязном белье» офицерских семей, и оперативник однажды не выдержал:

– То, что вы предлагаете мне делать, выходит за рамки моей компетенции. Сейчас другие люди в органах, иные задачи поставлены нам руководством КГБ. Условия за границы требуют от нашей службы заниматься контрразведкой. Не ждите, что я буду собирать для вас информацию о том, кто, когда и с кем ночевал, посетил корчму и прочее.

Замполит выслушал оперработника, краснея и ерзая в кресле, но попытался возразить:

– Пойми же, ты, мы с тобой бойцы партии, роль которой изо дня в день повышается, – переходя с «ты» на «вы» и обратно, продолжал настаивать подполковник. Он готов был разглагольствовать еще, но Николай уважительно остановил его, сославшись на срочную работу.

Чекист действительно назначил встречу на 18.30 с начальником штаба 3-го дивизиона, который на полигоне несколько раз фиксировал автомашину с западногерманскими номерами. Водитель производил фотографирование. Майор Сидоров передал контрразведчику номер автомобиля и описал внешность иностранца и его действия. Эти материалы срочно были переданы венгерским сотрудникам госбезопасности. Через неделю коллега Николая с венгерской стороны майор Иштван Ковач сообщил, что установленный по номеру машины немецкий турист Густав Шрам задержан в районе режимного объекта Венгерской народной армии (ВНА) под Будапештом при попытке скрытого фотографирования.

Это был первый успех молодого контрразведчика. Помогли друзья – так тогда назывались венгерские коллеги. Взаимодействие по линии госбезопасности обеспечивало лучшее понимание друг друга в решении общих задач.

Тем временем события в полку разворачивались стремительно. Нарастал кризис власти. Не без помощи замполита командиру полка Николаю Соленому предложили уволиться...

Вскоре он сдал дела молодому энергичному подполковнику Ванюшкину, быстро сколотившему вокруг себя здоровый коллектив. Он был одинаково требователен к себе и подчиненным. Большим подспорьем новому командиру в деле приведения гарнизона в божеский вид

стал приезд в полк выпускника Академии тыла и транспорта майора Литвинова – трудолюбивого и энергичного офицера. Впоследствии он дорос до первого заместителя начальника Тыла ВС СССР в звании генерал-полковника.

Командир полка стоял возле курилки, окруженный офицерами штаба части. Начальник тыла оживленно размахивал руками. Как показалось Стороженко, подходившему к собравшимся офицерам, речь могла идти о каком-то ЧП.

– Надежда вот на кого, – вдруг кивнул головой Ванюшкин в сторону оперативника.

– Здравия желаю, доброе утро, – взяв под козырек, поприветствовал новоиспеченный старший лейтенант собравшихся офицеров.

– Утро в небе доброе, а вот на душе оно хмурое, – обронил комполка.

Выяснилось, что ограблен гарнизонный магазин.

– Я информировал комдива и военного прокурора, – сообщил Ванюшкин, – но ты знаешь, что силенок у следователей маловато. Когда «пинкертоны» прибудут – неизвестно. Надо действовать по горячим следам. Да, чуть было не забыл, попроси помощи у своих коллег.

Вечером Николай срочно встретился с двумя своими помощниками и получил первичную информацию. А через два часа он уже беседовал с рядовым Николаенко, у которого обнаружили некоторые предметы пропажи из военторговского магазина. Солдат признался, что ему их подарил рядовой Куциев. Дальше уже никаких версий ни выдвигать, ни проверять не надо было...

* * *

Стороженко находился в кабинете, когда ему позвонил венгерский коллега – начальник контрразведки Шопронского погранотряда майор Ласло Хегедюш – и сообщил, что из-за снежных заносов три заставы остались без хлеба, а на станции Петехаза вторые сутки стоит занесенный снегом поезд с пассажирами из Австрии. Пограничники пытались пробиться к составу на своем грузовике – безуспешно.

Зайдя в кабинет к командиру полка, Стороженко коротко изложил суть проблемы.

– Надо направить гусеничную технику. Как не помочь друзьям в беде? Евгений Петрович, – обратился он к начальнику штаба полка майору Шевцову, – дайте команду зампотеху и начальнику автослужбы.

Советский гарнизон поделился запасами хлеба и сухарей с терпящими бедствие местными пограничниками. В сторону же застрявшего поезда дополнительно направилось несколько гусеничных тягачей и мощных «Уралов» с солдатами. Кроме того, бойцы прихватили с собой термосы с горячим чаем.

По возвращении раскрасневшиеся армейцы оживленно делились впечатлениями с товарищами. Оказалось, в поезде, кроме венгров, в двух вагонах ехали австрийские и немецкие туристы. Командир дивизиона доложил Ванюшкину о выполненном задании, и тот, расчувствовавшись, патетически произнес:

– Люди живут поступками, а не идеями. Ваш поступок лучше всяких слов спецпропаганды. Спасибо за службу.

– Служу Советскому Союзу! – отчеканил подчиненный.

Прошел месяц, и на стол оперработнику легла информация о недостатке нескольких секретных документов в штабе полка. Заместитель начальника штаба майор Сергей Петренко в течение недели искал шесть документов.

Версий было много. Дивизионное начальство требовало от Николая чуть ли не ежедневно докладывать о ходе и результатах поиска.

– Задействуйте все силы и средства. Очертите круг лиц, соприкасавшихся с документами. Я должен получить ответы на вопросы: когда это произошло, кто и как мог похитить

или утратить? Вы поняли меня, товарищ старший лейтенант? – раздраженно требовал всегда спокойный начальник особого отдела дивизии подполковник Николай Васильевич Левшин, обращаясь к Стороженко.

К поисковым мероприятиям были подключены почти все негласные источники, сосредоточенные в штабе полка. На очередной встрече агент «Овод» сообщил, что один из ящиков «секретки» из-за ветхости Петренко распорядился оставить в штабной машине, находившейся в автомастерской для покраски.

Петренко еще раз заверил начштаба полка, что тщательно проверил второй раз все ящики. Документов нигде не было. Как же он был удивлен, когда документы все же были обнаружены в одном из «проверенных» им ящиков...

* * *

Дислокация гарнизона в нескольких километрах от австрийской границы требовала дополнительных усилий от оперативника. Самовольщики, дезертиры, особенно беглецы с оружием и боекомплект, доставляли немало хлопот контрразведчикам в любое время суток. Главное, нельзя было допустить прорыва участка венгеро-австрийской границы.

Это случилось в марте. Дули холодные ветры с австрийских Альп. В 3.15 ночи внезапно звонил телефон: дежурный по Особому отделу КГБ ЮГВ передал указание руководства принять срочные меры в связи с уходом с поста рядового М. с автоматом и 60 патронами.

Стороженко о случившемся ЧП поставил в известность дежурного по венгерскому погранотряду. Вообще беглецы вели себя по-разному, но спокойно, а этот, прорываясь к границе и встретив венгерских пограничников, открыл по ним огонь из автомата. Убив одного из преследовавших и ранив сторожевого пса, преступник оторвался на некоторое время от пограничного наряда и почти достиг контрольно-следовой полосы (КСП).

Взобравшись на стог сена, он видел, как цепью шли его соотечественники – такие же, как и он, солдаты. Шли вместе с венгерскими пограничниками и полицейскими. Выждав удобный момент, беглец нажал на спусковой крючок. После первой же очереди упали за смертью наш солдат и мадьярский полицейский. Цепь залегла. Преступник прекратил стрельбу. Но стоило кому-нибудь приподняться, как пули вспарывали землю. Операция длилась около полутора часов. Последнюю точку в этой трагедии поставил снайпер из армейского БТРа...

* * *

Не прошло и года командования полком Василия Викторовича Ванюшкина, как в гарнизоне вспыхнула очередная свара. Замполит стал собирать очередную «компру», теперь уже против нового командира. Вмешался командующий войсками ЮГВ генерал-полковник Борис Петрович Иванов. Прибыв в гарнизон, он выслушал сначала одну сторону, а затем другую. Переговорил с офицерами штаба полка, а после обеда пригласил к себе старшего лейтенанта Стороженко.

Войдя в кабинет и представившись, Николай не мог оторвать взгляда от орденских планок. На груди генерала горела Золотая Звезда Героя Советского Союза.

– Товарищ Стороженко, я не случайно приехал в гарнизон. Наверное, уже обо всем знаешь. От вашей службы разве что скроешь, – заулыбался он. – Хочу выяснить природу конфликта между замполитом и новым командиром полка...

Оперативник был объективен. Через неделю зарвавшегося «комиссара» перевели в гарнизон с меньшим объемом служебных обязанностей.

В этот же период Николай пытался «вычислить» военнотружущего, который, по данным венгерских пограничников, приезжая на карьер за песком, каждый раз интересовался участ-

ком границы, проходившим вдоль озера Ферте. Солдата интересовало, судя по сигналу, инженерное оборудование на КСП в районе застав Мексикопусто. Он якобы рисовал схему подходов к вероятному месту прорыва. Рисовал на отдельном листе, который спрятал в записную книжку. Приметы солдата давались размытые.

День за днем собирались данные. Дело в том, что в связи со строительством жилого дома гарнизонные машины часто ходили за песком. В числе рабочих команд надо было искать объект оперативной заинтересованности. Не исключалось, что неизвестный планировал прорваться через КСП с автоматом в руках, что привело бы к тяжелым последствиям. Оперативные мероприятия шли активно, но результатов, к сожалению, не давали.

Начальник военной контрразведки дивизии Н.В. Левшин взял под личный контроль работу по этому сигналу. Приезжал неоднократно, помогал словом и делом. Успех пришел символично в День Победы – 9 мая. В одной из бесед с агентом «Гром» Стороженко получил данные на неприметного солдата – гарнизонного фотографа. Раскрыть его планы не представляло больших сложностей. Обнаружился и листок со схемой вероятного прорыва границы. Однако планам потенциального беглеца не суждено было сбыться. Его задержали и отправили в Будапешт для дальнейшего разбирательства.

Надо отметить, что новый замполит подполковник Мурзин тоже помог оперативнику в вычислении потенциального преступника. Об этом человеке у Николая остались самые добрые воспоминания.

Накануне очередных учений с выездом на Хаймашкерский военный полигон Стороженко решил провести операцию по дезинформации. Доложил начальству, но оно почему-то молчало, по-видимому, не желая брать на себя ответственность в даче санкции, а может, по другим причинам.

Тогда все свои действия Николай согласовал с командиром полка. В ствол 152-миллиметровой гаубицы умельцы вбили бревно, сварили металлический каркас, сшили брезентовый чехол – получилось орудие непонятного калибра. Цель – приманка для чересчур «любопытных». Протянули эту «каракатицу» до полигона и обратно. Получен был неплохой результат. По данным венгерских контрразведчиков, на приманку попались несколько иностранцев, которых друзья серьезно подозревали в причастности к агентуре противника.

За успехи в работе по делу оперативной проверки и предотвращению измены Родине руководство Особого отдела КГБ по ЮГВ представило материалы в Москву о награждении старшего лейтенанта Стороженко медалью «За боевые заслуги». Скоро в отдел пришла телефонограмма о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1971 года он награжден этой правительственной наградой. Медаль привез в гарнизон заместитель начальника Особого отдела КГБ по ЮГВ полковник Кузнечиков. Командир полка построил на плацу личный состав, где в торжественной обстановке и была вручена Стороженко награда.

* * *

Через год Стороженко перевели в соседний гарнизон на капитанскую должность. Он приступил к работе в мотострелковом полку, но тоже на границе с Австрией в городе Сомбатхее. Начальник так и сказал:

– Ты у меня специалист по приграничью. Сам бог велел принять такое хозяйство...

В новом полку теперь у него был напарник – старший лейтенант А. Танцура. Вдвоем работать было легче. Здесь тоже установились теплые деловые и личностные отношения с местными пограничниками и командованием полка.

Во время изучения оперативной обстановки внимание Николая привлекли бывшие советские гражданки, вышедшие замуж за иностранцев. Одни из них были разведены, другие

зарегистрировали новые браки и мотались по заморским городам и весям. Естественно, ими не могли не заинтересоваться западные разведслужбы.

Одна особа привлекла внимание капитана Бодрова, который познакомился с ней случайно. Стали встречаться, дело дошло до постели. Она жила в роскошном особняке, купленном новым мужем-американцем. Зная, что Бодров – москвич и может уехать в столицу, она, по всей видимости, не без подсказки мужа или его «друзей» крепко «ухватилась» за офицера.

«Неожиданный» приезд супруга, встреча с ним и особенно беседа так напугали донжуана, что тот прибежал к контрразведчику. Он долго умолял оперативника не докладывать об амурных похождениях командованию. Решили поиграть с американцами. Для этого подключались специалисты из Будапешта и Москвы...

В Сомбатхее Николай получил самое звездное звание – восемь звезд капитана, – которое обмыли с друзьями-коллегами россиянами и венграми.

Глава четвертая

Место службы – Лубянка

Первая ступень всякого творчества есть самозабвение.

М. Пришвин

Время летело быстро. Хотя философы и говорят, что оно имеет только направление, не имея ни начала, ни конца. Время произошло от времени.

Весной 1974 года в гарнизоне работала инспекторская проверка, учиненная Центром. Представители 3-го Главного управления КГБ остались довольны работой капитана Стороженко и предложили должность в столице. Николай дал согласие.

Военно-транспортным самолетом его доставили на военный аэродром Чкаловский. Речь шла о «сватанье» – беседе с недавно назначенным начальником военной контрразведки генерал-лейтенантом Николаем Алексеевичем Душиным.

«Так вот она какая, Лубянка, внутри! – удивился Николай, поднимаясь на седьмой этаж дома № 2. – Сколько интересных событий здесь происходило – и героических, и кровавых!»

Сначала с ним переговорил начальник отдела, затем его заместитель. После этого направили в приемную, где пришлось ожидать свидания с шефом около часа. И вот порученец предложил зайти в кабинет.

Встретил капитана Стороженко высокий горбоносый генерал с «гакающим», как ему показалось, южным говорком. Сначала подумалось – не земляк ли? Николая поразили размеры кабинета.

«И зачем ему такое футбольное поле?» – невольно промелькнуло у Николая. Беседа началась с дежурных вопросов: какие дела и сигналы вел, имелись ли негласные помощники из числа старшего офицерского состава, в чем заключались особенности оперативной обстановки в гарнизонах, что закончил. В конце спросил об увлечениях...

Отвечал Стороженко достойно, хотя несколько и волновался – с начальством такого уровня, тем более, как говорили, проработавшего в аппарате ЦК КПСС, не встречался. Коварно-неожиданный вопрос последовал в завершающий момент разговора.

– А вы справитесь, если дадим вам в обслуживание Главное управление кадров Минобороны СССР?

Офицер по-армейски коротко отчеканил.

– Должен. Справлюсь, товарищ генерал!

Это была его ошибка. Но он, пришедший из войск, не понимал никаких подтекстов, не владел эзоповщиной, не знал «бархатного» языка – говорил прямо, как думал. А как думал, так бы и делал. Ответ по форме не понравился вчерашнему зам. завсектором ЦК КПСС. Беседа закончилась. Генерал скривился, потом чмокнул губами и отправил капитана к кадровикам. Куратор отдела по кадрам подполковник Федин принял его через несколько часов:

– Что же ты, пацан, подвел меня? Как ты ответил Душину на предложение принять ГУК?

Непонятно, чего было больше в этом наскоке кадровика – страха за свою репутацию или сопереживания за фиаско оперативника, – на голом месте поскользнулся. Однако, к его чести, он тут же стал инструктировать «провинившегося», что надо было сказать дипломатично: постараюсь оправдать ваше высокое доверие мне, а поэтому приложу все свои силы, чтобы с помощью старших товарищей побыстрее освоить вверенный мне объект.

– Ну что же, поеду снова в ПрикВО, – ответил Стороженко.

– Не горячись. В тебе что-то генералу понравилось.

– Я не девица, чтобы нравиться мужику, – выпалил с досадой Николай.

– У-у, хохол упрямый. Спрячь горячность. Все будет нормально...

Через двое суток после «сватанья» на Лубянке Стороженко вернулся в полк, который ему стал еще дороже.

Однако скоро пришлось расстаться с гарнизоном, так как шифротелеграммой он откомандировывался в распоряжение начальника военной контрразведки Союза. На сдачу дел начальник дал неделю...

* * *

В Москву семья Стороженко прибыла поездом. Вещи шли контейнером. Поселились у родственников. Законную площадь пообещали дать через пару месяцев. Но прошло почти два года, прежде чем Николай получил ордер на первую в жизни свою квартиру.

В оперативное обслуживание дали один из институтов МО СССР. Объект был «голый» – помощников почти не было. Задачу поставили жесткую – в течение нескольких месяцев наладить четкий контрразведывательный процесс. Основание – проявление интереса ЦРУ к новому институту. Эти данные были получены советской разведкой.

«Вот она, «десятка» деевской «мишенной системы». Не было бы счастья, да несчастье помогло, что судьба меня определила на такой объект», – искренне говорил сам себе Николай.

Пугало только одно: если до этого он соприкасался с обветренными лицами пушкарей, танкистов, мотострелков, то здесь ему пришлось общаться с военно-технической интеллигенцией, обладавшей высоким культурным уровнем. «Белые воротнички» Советской армии – так их называл начальник института генерал-майор авиации Олег Рукосуев. На объекте проходили службу бывшие «засвеченные» военные разведчики, специалисты главных штабов, полиглоты, доктора наук, генералы и адмиралы.

Первоначальную робость Николай заглушил своим кратким обетом: «Справлюсь! Я обязан справиться!»

Среди сотрудников института были лица, попавшие в разное время в поле зрения западных спецслужб. Одних противник тщательно изучал, к другим же осуществлял вербовочные подходы, но они отвергли западных радетелей благополучия, третьи скрывали подобные случаи и по возможности «прятались от света», а четвертые могли и попасться на крючок.

В середине 1970-х годов в очередной раз была запущена утка о том, что американские спецслужбы якобы 80 % конфиденциальной информации вытягивают из открытых источников – газет, журналов, брошюр и книг. Мода есть мода. Увлеклись этой идеей и в СССР. Росли объемы наработок в информации, шедшей на самый верх. У специалистов возникал вопрос: если в ведущих странах Запада существует жесткая цензура на публикацию режимной информации, а оно так и было, то все, что поглощает институт, может оказаться для советского руководства дезинформацией, отредактированной западными спецслужбами.

Стороженко и его коллеги на совещаниях били тревогу. Их поддерживал начальник подразделения подполковник Николай Петрович Петриченко – высокообразованный офицер, с энциклопедическими знаниями человек. До работы в органах КГБ служил в морской пехоте на Черноморском флоте. Он мог постоять за подчиненного, в борьбе за правду шел тараном на ложь. Терпеть не мог лодырей и блюдолизов, зато к трудягам относился предельно внимательно, активно продвигал их по службе. Стороженко считал за счастье, когда тот вызывал его к себе. Минуты общения с человеком большой души и интеллекта вдохновляли его. Для Николая это был второй Деев.

На всю жизнь запомнился случай, ставший и укором, и уроком. Дело в том, что вышестоящее начальство в угоду партийным директивам перед очередным партсъездом потребовало от оперсостава усиления профилактической работы с лицами, высказывавшими так называе-

мые нездоровые политические суждения. Петриченко критически относился к таким нововведениям, усматривая в них элементы перерождения военной контрразведки в охранку.

Как-то Стороженко попутал бес. Получив материал о том, что одна из машинисток в кругу сослуживцев в резкой форме критиковала социальную политику Брежнева и его «серого кардинала» Сулова, он доложил об этом начальнику.

Петриченко внимательно, как это делал обычно, выслушал (слушать он умел и научил Николая), а потом тихо сказал:

– Товарищ капитан, представьте на мгновение, что этой женщиной была бы ваша мать или жена. Как бы вы поступили? Разве не правда, что зарплаты в семьдесят рэ хватает только на худой прокорм? А как быть со всем остальным? Я думаю, машинистка имела право, моральное право, высказать свое мнение по поводу условий жизни. Давайте договоримся: больше подобных материалов не докладывайте. Не мелочитесь, не надо, вы же рождены для честной и чистой работы – у вас это получается. Занимайтесь своим де-е-лом, – последнее слово он умышленно растянул для акцента и, улыбнувшись, крепко пожал руку: – И пожалуйста, не обижайся.

* * *

Офицеры С. Безрученков, А. Вдовин, А. Золотухин, В. Кондратов, Н. Кожуханцев, А. Моляков, В. Перец, А. Семин, В. Филиппов и другие, окружавшие Стороженко в период становления его на новом месте, были исключительно порядочными людьми. Эти мужики отличались высоким порогом долга, профессионализма и искренне верили в победу добра над злом. Они были мастерами своего дела.

Но были и такие, кто рос по службе с помощью «телефонного права» и «отцовских лифтов». Росли неприятные блюдолизы и активные тихони. Во 2-м отделении 1-го Отдела Главка, возглавляемом Петриченко, таких не было. Там трудились «шахтеры» военной контрразведки.

У мусорных урн, превращенных в своеобразные курилки, офицеры часто спорили по такому вопросу: органы госбезопасности – это вооруженный отряд партии или нет?

– Какой мы боевой отряд, – в сердцах брякнул один из сослуживцев. – Мы должны быть ответственными не перед партийным чиновничеством, а перед народными депутатами, перед Верховным Советом, перед советской, а не партийной властью.

О роли засилья партаппаратчиков в органах безопасности, порой мешающих объективности и росту профессионализма, честно сказал в своей небольшой, но яркой книге «Записки контрразведчика» фронтовик, генерал-майор Вадим Удилов, бывший заместитель начальника управления КГБ СССР по линии контрразведки, с которым Стороженко пришлось общаться по службе. Вот его слова:

«Обстановка в госбезопасности не изменилась даже во времена хрущевской оттепели. Наоборот! Партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались партийные и комсомольские деятели... За ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом ниже на должности заместителей или начальников управлений. Они создавали угодный верхушке режим и в конце концов добились того, что в Положении об органах госбезопасности говорилось: «КГБ – это инструмент КПСС».

Во времена Брежнева вместо поиска кадров по деловым качествам возобладал принцип подбора по родственным связям и личной преданности. Видимо, так было надежней!»

И дальше он утверждал в книге, что в органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось сынков именованных отцов видимо-невидимо!.. Что же делали в это время руководители и сотрудники КГБ – чистые профессионалы? Тех, кто критически оценивал обстановку и имел собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы. Другая часть сотрудников, видя все эти перекосы, как только могла потихоньку противилась

им, потому что для многих таких «и шапка не по Сеньке» была. Это отражалось на качестве работы.

* * *

Выходя как-то от секретаря-машинистки, Стороженко в коридоре случайно столкнулся с начальником отделения. Петриченко пригласил в кабинет.

– Садись. В ногах правды нет. Ну как, институт не надоел?

– Нет, что вы! Коллектив нравится, отношение с командованием – норма. Работается легко. Аппарат свой сколотил. Идет отдача – может, и шпиона найду, – короткими фразами «отстреливался» подчиненный.

– Тебе надо расти. Принимай у майора Молякова информационные подразделения ГРУ. Ты уже пообтерся среди информатики. Эта же работа связана с большими секретами, а значит, велика вероятность выхода на шпиона.

– Я даже не знаю, как быть. Так неожиданно...

– Все перемещения в нашей службе неожиданные.

– Справлюсь ли? Там полно генералов, а я привык.

Договорить начальник не дал:

– Адаптировался ведь к ученым, привыкнешь и к лампасам. Главное – не робей перед их важным видом. Они такие же, как и все. Это вчерашние твои артиллеристы и мотострелки, которые преуспели в армейской карьере – стали военными дипломатами. Языковая подготовка, правда, у них высокая. Некоторые владеют в совершенстве несколькими иностранными языками.

Объект оказался намного сложнее, чем полагал капитан. Тесного делового взаимодействия между руководителями военной разведки и контрразведки в то время не было из-за капризности начальства. Руководители ГРУ нередко скрывали факты вербовочных подходов спецслужб противника к отдельным своим офицерам за рубежом, вынуждая военных контрразведчиков тратить оперативное время на установление этих фактов и фактически действуя параллельно. На это уходило много времени, сил и средств. Руководство военной контрразведки КГБ смотрело на ГРУ свысока. Мешал человеческий фактор – амбиции. Но кто был Душин, а кем являлся Ивашутин?! У второго и опыта, и авторитета было больше.

А вот оперативные офицеры с той и другой стороны понимали, что гордыня мешает общему государственному делу.

* * *

Чекисты получали все новые и новые данные об активизации работы ЦРУ и других разведок стран НАТО по отношению к личному составу ГРУ за рубежом. Дела оперативного учета росли как грибы. Почти у каждого работника второго отделения в производстве были сигналы, дела оперативных проверок (ДОП), а у некоторых дела оперативных разработок (ДОР), у каждого более двух десятков негласных помощников и такое же примерно количество доверенных лиц, работа с которыми требовала полной самоотдачи.

В своей основе сотрудники второго отделения 1-го отдела 3-го Главного управления представляли собой золотой фонд военной контрразведки. Это была кузница профессионалов – охотников за шпионами («кротами», «оборотнями» и пр.), а ГРУ для них представляло ту «десятку», куда целился и всегда будет целиться противник. Оперативники, работавшие в ГРУ, активно взаимодействовали и с подразделениями внешней контрразведки ПГУ КГБ, которым в то время руководил разрекламированный и обласканный «демократами» первой волны конфликтный генерал Олег Калугин. Кстати, сегодня Калугин проживает в США – сбежал и при-

торговывает там, как коробейник-офеня, секретами. Есть все основания считать, что он был завербован американцами.

Как-то Стороженко зашел на доклад к Петриченко и неожиданно стал свидетелем его резкого разговора по телефону с каким-то генералом. Как потом выяснилось, это был Калугин. Разговор шел о проколах его подразделения в обеспечении безопасности военных разведчиков за рубежом.

– Вы почему поганите людей? Кто вам дал право нарушать принципы конспирации? С вашими капризными неучами наши люди не хотят работать. Я хочу, чтобы вы наконец поняли, что мы вместе делаем одно общее дело. Всё, не надо мне никаких оправданий.

Положив трубку, он с досадой произнес:

– Ну совсем зажрались блатные... Откуда у них будет ответственность? Их же все боятся потревожить. Грязная все же эта личность – Калугин, – в сердцах проговорил начальник отделения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.